

УДК 821.161.1

Волик Н. А.,
старший преподаватель,
Мариупольский государственный университет
1978natty@gmail.com

“ОДА ТОРЖЕСТВЕННАЯ НА СДАЧУ ГОРОДА ГДАНСКА” В. ТРЕДИАКОВСКОГО КАК ВОПЛОЩЕНИЕ РИТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО КОДА XVIII СТОЛЕТИЯ

Анотація

Стаття присвячена жанру урочистої оди в творчості В. Тредіаковського, який розглядається в аспекті комунікативної ситуації та усвідомлюється як сукупність культурних та риторичних кодів, що констатують його дискурсивну природу. Дослідження містить аналіз риторико-культурних кодів у тексті “Оди урочистої на здачу міста Гданська” В. Тредіаковського, в процесі якого визначено дискурсивні типи риторико-культурного коду панегіричної оди. Увагу зосереджено на історичній та культурній інтерпретації художнього тексту твору, яка сприяє адекватній рефлексії сучасного читача.

Ключові слова: риторико-культурний код, панегіричний дискурс, семантичний код, комунікативна ситуація, рефлексія.

Summary

The subject of the article is a solemn ode's genre in the Trediakovsky's works. It's research method lets to consider the ode as a communicative situation and as a set of culture and rhetorical codes.

Key words: rhetorical and culture code, panegyric discourse, semantic code, communicative situation, reflection.

Для истории русской культуры и литературы XVIII век является риторической эпохой с парадигмальными ценностями. Ссылаясь на мнение В. Масловой о семиотическом характере культуры, которая представляет собой “совокупность текстов, понимаемых как последовательность знаков любой природы”, тексты художественных произведений следует рассматривать как “истинных хранителей культуры” [5, 30], т. е. носителей культурных кодов, препятствующих пониманию в процессе коммуникации и нуждающихся в декодировке. Русские художественные произведения эпохи классицизма становятся носителями специфического риторико-культурного кода, понимание которого необходимого для адекватной и продуктивной читательской рефлексии.

Риторическим и культурным кодам, а также их разновидностям в литературных текстах, посвящены работы Р. Барта, Р. Якобсона, Ю. Лотмана, Л. Осадчей, Д. Гудкова, М. Пенцовой, В. Масловой, Е. Королевой и других. Наше внимание привлекает проблема адекватного восприятия произведений, написанных несколько столетий назад и отсылающих нас к историческому и культурному прошлому государства, в аспекте коммуникативного события. Целью данного исследования является анализ особенностей панегирического дискурса

“Оды торжественной на сдачу города Гданска” В. Тредиаковского для выделения риторико-культурных кодов, способствующих адекватному восприятию ее содержания. При этом под “культурным кодом” рассматривается “совокупность знаков (символов), смыслов (и их комбинаций), которые заключены в любом предмете материальной и духовной деятельности человека” [2].

Творчество В. Тредиаковского исследователи связывают не только с реформой русского стихосложения, но и с историей становления жанра оды и ее разновидностей в русской литературе XVIII столетия. Поэт первым в 1734 году вводит в литературный обиход название жанра торжественной оды (“Торжественная ода о сдаче города Гданска”) и, следуя французской моде, создает пиндарический вид оды, а не продолжает гораццианскую линию. Пиндарическая ода характеризуется напористостью, неистовством; она переходит на более высокий содержательный уровень, уходя от нежности и приятности. Н. Алексеева пишет: “Пиндарическая ода с самого своего возникновения была одой панегирической, хвалебной и одновременно государственной, патриотической” [1, 118].

Следует отметить, что жанровая система русской литературы XVIII столетия представлена набором риторических моделей, предписанных теоретическими руководствами и содержащих ряд культурных кодов эпохи. Торжественная ода в русской литературе XVIII века приходит на смену жанру “слова” и характеризуется церемониальностью, поскольку выражает политическую и гражданскую направленность придворного этикета. Выбор анализа риторико-культурного кода обусловлен содержанием в жанре торжественной оды как риторических, так и культурных кодов. При выборе схематической последовательности исследования сошлемся на план анализа поэтического текста, предложенный Е. Королевой [3, 16–17].

“Ода торжественная на сдачу города Гданска” 1734 года считается первой пиндарической русской одой, написанной В. Тредиаковским, хотя, по мнению Е. Погосян, поэт уже тренировал свой одический стиль в “Оде приветственной всемилостливейшей государыне императрице самодержице всероссийской Анне Иоанновне...” 1733 года. Первая версия “Оды на сдачу Гданска” демонстрирует опыт переложения французского стиха на русский язык и представляет собой девятисложник, точнее силлабический неполный хореический тетраметр, состоящий из девятнадцати десятистишных строф. Позже появится силлабо-тоническая версия оды, написанная четырехстопным хореем, которой мы и воспользуемся для анализа.

В одной из первых од В. Тредиаковского реализуются панегирический и мифологический типы дискурса, представленные в коммуникативной ситуации посредством целого ряда риторических и

культурных кодов. Поэт использует хвалебные формулы и прибегает к мифологическим образам для воссоздания аллегорической картины истории; характеризует адресата и других участников ситуации общения (осаждённый Гданск, Станислав) и тем самым вызывает у читателей соответствующую рефлексию.

Для начала обозначим семантический код оды или “благородную и высокую материю”, положенную в основу содержания, то есть историческое событие, послужившее причиной для воссоздания данной коммуникативной ситуации: осада русскими войсками города Гданска (Данцига), его взятие и прославление в связи с этим монархини Анны Иоановны. Являясь адресантом (отправителем) хвалебного послания, В. Тредиаковский обращается к царице Анне Иоановне (адресату), соблюдая четкую форму лирического повествования от первого лица единственного числа: (“Моя глас лиры”; “Се бряцаю в лиру сладку”; “Невозможно мне как леть”; “К пеню мой глас бодрит”; “Что я зрю? не льстит ли око?”) [8, 151–155]. Однако отождествлять поэта и героя полностью невозможно, так как лирическое повествование приобретает неопределенно-личный характер и становится, как у Ф. Прокоповича, отстраненно-описательным, когда поэт отдает все полномочия в руки лиры: “Воспевай же, лира, песнь сладку, // Анну, то есть благополучну, // К вящему всех врагов упадку, // К несчастью в веки тем, скучну” [Там же]. Складывается впечатление, что адресант намеренно избегает субъективизации, чтобы его речь выглядела правдоподобной и убедительной, а читателя не оставляет уверенность в непосредственном участии поэта в описываемых событиях. Дабы читатель не забывал об авторе, он напоминает о себе редкими репликами от первого лица, оживляя художественно-документальное повествование.

Мирообраз оды содержит художественно-выразительные средства, подчеркивающие природу риторико-культурных кодов, встречающихся в тексте произведения. Например, начало торжественной оды В. Тредиаковского, содержащее оксюморонное выражение “трезвое пианство”, заимствованное автором из оды Н. Буало, продолжает вызывать неугасаемый интерес исследователей (П. Берков, В. Живов, Е. Погосян, Н. Алексеева и др.), так как демонстрирует непрагматическую интерпретацию поэтом одического восторга. Е. Погосян пишет: “Восторгу – риторической формуле противопоставлен здесь восторг как психическое состояние поэта-творца” [6]. Она рассматривает данное словосочетание не просто как одический восторг от творческого процесса или платоновское божественное вдохновение, а как явление психического “восторга”, непосредственно относящееся к душе поэта и не связанное с мифологической волей богов.

Об отходе В. Тредиаковского от культурных одических традиций свидетельствует письмо поэта к И. Шумахеру, в котором

провозглашается квинтэссенция лирического творчества, основанного на вдохновении и душевном восторге, а не на риторических формулах: “И вот сначала послышался голос очень тихий и прелестный, совершенно растрогавший мое сердце, и звуки гармонической лиры, на которой играли с изумительною грациею. Чудесное движение меня охватило так могущественно, что я пришел в восторг. <...> Я слушал с ненасытимою охотою слова, которые пели, и дрожал за себя, чтобы скоро их не перестали петь вопреки моего желанія. <...> Вот они: Я. Аполлон, уходите от меня прочь – вам нет более во мне нужды. Вдохновляемые другими, трудитесь без опасения. Не жалуйтесь на невозможное” [7, 41]. Конечно, данный эпистолярный отрывок можно трактовать неоднозначно, однако новаторская идея об отказе от традиционных риторических формул и моделей, поиск внезапных, спонтанных источников для вдохновения характеризует одический опыт В. Тредиаковского как передовой.

Н. Алексеева подвергает сомнению точку зрения Е. Погосян и полагает, что поэт в своем письме говорит о поэтическом экстазе, который его охватил под влиянием речей Аполлона: “Риторическая формула не может быть противопоставлена психическому состоянию. Строго говоря, всякая риторическая формула выражает определенное состояние, мысль и чувство. Так и описанное состояние экстаза тоже принадлежит риторике и может рассматриваться как условное” [1, 126]. Хотелось бы отметить, что состояние восторга или вдохновения в первой оде В. Тредиаковского соотносится автором исключительно с категориями рациональности, что подтверждает мнение Н. Алексеевой о выражении поэтом одического восторга в рамках риторической формулы (в тексте цитаты содержатся слова, выделенные курсивом автором работы):

Музы! ум не вас ли зрит?
Струны ваши сладкогласны,
Меру, лики слышу красны,
Пламень в *мыслях* восстает [8, 151].

Интертекстуальность диспозиции оды, которая, по словам самого автора, написана в подражание “Оде на взятие Намюра” Н. Буало, демонстрирует воспроизведение акциональной последовательности описанных событий, характерное для риторического жанра оды. В. Тредиаковский пишет: “...сия самая ода подала мне весь план к сочинению моей о сдаче города Гданска, а много я в той взял и изображений; да и не весьма тщался, чтоб мою так отличить, дабы никто не узнал...” [Там же, 158]. Однако Н. Алексеева в комментариях к оде отмечает, что “...Гданская ода лишь отдельными и сравнительно немногими своими местами повторяет оду Буало. Подражание заключалось больше не в заимствовании, а в воспроизведении французской строфы и одического стиля, в подборе уместных в оде слов и сравнений” [Там же, 581].

Творческая манера изложения, выбранная В. Третьяковым для изображения хода битвы за Гданск, когда автор почти до конца оды скрывает от читателя исход сражения, является ярким примером герменевтического кода, ориентированного на читательскую интерпретацию победы, обусловленную, в свою очередь, авторскими ремарками. Поэт в предпоследних строках не просто констатирует факт сдачи Гданска поляками: “Сталось так. Знак виден к сдаче: // И повергся Гданск к ногам!” [Там же, 156]. На протяжении всего текста оды автор пользуется различными риторическими приемами и стратегиями для того, чтобы запрограммировать восприятие читателя на победу русских войск. Так, характеризуя польское войско, В. Третьяковский прибегает к художественно-выразительным средствам с отрицательной коннотацией. Например, применяет инверсивную стилистическую фигуру, которая содержит парафразис, характеризующий поляков как трусливых и не способных на героическую смерть: “Воинов своих блажит // Храбра сердца неимущих, // То едино стерегущих, // Жизнь спасти б, и всяк бежит” [Там же, 154]. Или в отрывке “Начинает Гданск трястись; // Сдаться всяк, как биться прочил, // Мыслит купно и спастись // От оружий, бомб летящих, // И от всех зараз, град тлящих” поэт использует синекдоху и в образе Гданска воплощает все бегущее с поля боя польское войско [Там же, 155-156].

Напротив, изображая русское войско, В. Третьяковский применяет антономазию и называет каждого русского воина Марсом, чтобы гиперболизировать смелость и самоотверженность всей армии: “Марсом каждая звать пристало // Воех, как на брань спешил: // Всяк готов пролить кровь смело, // Иль венчать об Анне дело” [Там же, 152]. Или метафорически прославляет их достоинства перед врагами: “Зрите вы, противны роды, // Храбрость русских воев днесь: // Не вредят им огонь и воды; // В каждом грудь открыта здесь. // Коль все дружно приступают! // Как свою жизнь забывают! // Не страшит из пушек гром!” [Там же, 155].

Текст оды содержит примеры использования эпитетов и метафор для создания образа царицы-победительницы: Анна Иоановна “храбрая, благополучная, милосерда, поданным любезна, многомочная, гневная, счастием превосходна, страшная, Анна Августа августейша, любима от вышня бога” [Там же]. Русский панегирический опыт изображения монархов предписывает представлять их мужественными и воинственными, однако В. Третьяковский создает образ миролюбивой царицы Анны как Божьей ставленницы: “Что ж чудным за власть // шлемом блещет? // Не Минерва ль копиемещет? // Явно, что от небес посланна, // И богиня со всего вида // Страшна и без щита эгида?” [Там же, 152] или “Анне не было подобной // В милосердии нигде; // Нет и к

миру толь способной // С не хотящим быть в вражде: // Меч, оливою обвитый, // В бранехтокмо есть сердитый” [Там же, 154].

Мифологические образы выступают для поэта средством кодирования лиц и событий, требующих художественной иносказательности. Читатели, которые способны разгадать (интерпретировать), о чем идет речь в некоторых эпизодах, обладают прежде всего широким историческим и литературным кругозором для постижения древнегреческих культурных кодов. Мифологическая разновидность кода является рефлексией на классицистическую установку – идеализация античности.

Например, 1. “Сам Нептун что ль строил стены? // Сии при море стоят? // Нет ли Тройским к ним примены, // Что пустить внутрь не хотят” [Там же, 152]. Данный одический фрагмент содержит металепсис как разновидность метонимии, отсылающий нас к проведению аналогии между божественной неприступностью Трои и Гданском.

2. “То не мать басней Троя; // Не один тут Ахиллес: // Каждый рядовой из строя // Мужеством есть Геркулес” [Там же]. Цитата с помощью антономазии представляет русское войско как собрание храбрых и бесстрашных воинов, подобных греческому богу Геркулесу, а не ахейцам, которые могли гордиться только Ахиллесом.

3. “Быть в защите до конца // Чрез востекшего Нептуна; // Росского ж боясь перуна, // Дальный в помощь и народ // Емлет от берегов Секваны; // Сей на бедство в барабаны // Бьет у Векселминдских вод” [Там же, 153]. Отрывок синтезирует в себе мифологические и исторические коды, которые воспроизводят поддержку Гданска французским флотом (Секвана – Сена), прибывшим на берега Вислы (Нептуна).

Предметно-тематические коды, которые можно выделить в “Оде торжественной на сдачу Гданска”, представляют собой ряд одических топосов, характерных для данного жанра и составляющих различные комбинации риторико-культурных кодов:

1. Источником панегирического вдохновения для адресанта являются парнасские музы (“Струны ваши сладкогласны // Меру, лики слышу красны”) [Там же, 151], а эталоном высокой поэзии становятся древние мастера слова (“В слóгах толь высокопарных // Пиндар, Флакк по нем, от мглы // Вознеслись до светозарных // Звезд, как быстрые орлы”) [Там же, 151]. При этом поэт создает кольцевую композицию, начиная и оканчивая оду традиционно темой магической силы лиры: “Лира! песнь скончай и лики: // Анну венценосну петь // Идобрóтыпревелики // Невозможно мне как летъ” [Там же, 156].

2. Тема обреченности врагов на поражение и милости победителя к побежденному, которая реализуется в тексте посредством условно-сослагательного наклонения: “Купно хоть державы б стали // За тебя, Гданск, от сердец, // Хоть стихии б защищали, // Многих стран бы от

конец // Воины в тебе всем были // И свою б кровь щедро лили // Но ничто тебе от мук // Есть не сильно дать свободу, // И просечь вконец безгodu, // И у Анны взять из рук” [Там же, 155].

3. Риторические вопросы, придающие одическому повествованию коммуникативную направленность и имитирующие диалог: “Что я зрю? не льстит ли око?” [Там же, 153], “Сам Нептун что ль строил стены? // Сии прі море стоят?” [Там же, 152], “Ах! Гданск, ах! Что ты дерзаешь? // В ум приди, с ним соберись: // В пагубу себя ввергаешь. //Что стал? медлишь! Покорись” [Там же, 154]. А также обращения, которые, по мнению М. Ломоносова, “есть когда слово обращаем к другому лицу, подлинному или вымышленному, от того, которого само настоящее слово требует” [4, 266]. Служит данная риторическая фигура для выражения адресату определенных чувств, например, восхищения, похвалы: “Европейска и Азийска // Златовидный солнца луч! // О! монархия Российска, // Сей блаженства есть твой ключ, // Что подданным толь любезна!” [8, 153].

4. Заключение оды становится традиционной хвалебной формулой, адресованной царице: “В сем хвала, в сем Анне многа, // Что любима есть от бога. // Сам всегда ее блюдет; // Им победы та имеет, // Кто противником быть смеет. // Анна мног век да живет!” [Там же, 156].

Итак, В. Тредиаковскому принадлежит заслуга первенства в создании жанра пиндарической оды в истории русской литературе XVIII столетия, которая пришла на смену легкой горацанской оде. “Ода торжественная на сдачу города Гданска” В. Тредиаковского, адресованная Анне Иоановне, – первый официально признанный образец панегирического дискурса, содержащий ряд риторических и культурных кодов, согласно которым читатели интерпретируют данный текст как жанр торжественной оды.

Композиция оды, по словам самого В. Тредиаковского, интертекстуально воспроизводящая план французской “Оды на взятие Намюра” Н. Буало, является результатом следования классицистическим образцам и характеризуется строго определенными нормами коммуникации (адресант говорит от первого лица, обращение к адресату во втором лице, риторические вопросы и обращения). Мифологические образы в оде не только выполняют художественно-выразительную функцию (антономазия, парафразис, металеписис), но и свидетельствуют об идеализации древнегреческой культуры в рамках эпохи Просвещения, являясь культурным кодом XVIII века. Лейтмотив оды В. Тредиаковского – одический восторг, который именуется “трезвым пианством”, является риторической формулой, вышедшей из-под контроля разума.

Анализ риторико-культурных кодов панегирического дискурса одной из первых торжественных од В. Тредиаковского, написанной в 1734 году,

показывает, что поэт закладывает основы отечественного клишированного жанра торжественной оды, подражая европейским образцам, и работает над созданием индивидуального авторского стиля в рамках нетрадиционных изобразительных приемов. Перспективой исследования жанра торжественной оды в творчестве поэта является дискурсивный анализ приветственной оды “Императрице Елизавете Петровне в день ее коронавания” 1742 года с целью проследить генезис одического жанра и исследовать историко-культурную ситуацию, демонстрирующую специфические национальные черты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII-XVIII веках / Н. Ю. Алексеева. – М. : Наука, 2005. – 371 с.
2. Большой толковый словарь по культурологии [Электронный ресурс] / Б. И. Кононенко. – М. : Вече: АСТ, 2003. – 511 с. – Режим доступа : <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/fc/slovar-202-6.htm#zag-629>
3. Королева Е. В. Анализ лингво-культурологического кода как путь к пониманию художественного текста (на материале стихотворения В. Ф. Ходасевича “Перед зеркалом”) / Е. Королева // Филология и лингвистика. – 2017. – № 2 (06). – С. 15–20.
4. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений : в 10 т. / М. В. Ломоносов. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1983. – Т. 7 : Труды по филологии 1739–1758 гг. – 1952. – 997 с.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр “Академия”, 2001. – 208 с.
6. Погосян Е. А. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. [Электронный ресурс] / Е. А. Погосян. – Тарту, 1997. – 156 с. – Режим доступа : <http://www.ruthenia.ru/document/534616.html>
7. Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге : в 2-х томах / П. П. Пекарский. – СПб. : Отделение рус. яз. и словес. имп. Акад. Наук, 1870–1873. – Т. 2. – 1873. – 791 с.
8. Третьяков В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозой / В. К. Третьяков. – СПб. : Наука, 2009. – 680 с.

Стаття надійшла до редакції 7 жовтня 2017 року